

И.Е. Печёнкин

кандидат искусствоведения,
 заведующий кафедрой Истории русского искусства
 факультета Истории искусства РГГУ
pech_archistory@mail.ru

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О РУССКОМ СТИЛЕ В АРХИТЕКТУРЕ XIX ВЕКА

Русскому стилю в архитектуре XIX века посвящена солидная литература, но это далеко не означает исчерпанности темы. К числу её «трудных мест» относятся, например, вопросы о происхождении «русской» морфологии на раннем этапе истории этого феномена; о том, как формировались/отбирались образы «русскости» в придворном строительстве Александра I и Николая I; о том, в каком культурно-политическом контексте начиналось *конструирование национальной архитектуры* в Российской империи. Несмотря на наличие ряда монографий о русском стиле, перечисленные выше аспекты до сих пор не были детально изучены и описаны. История архитектуры в России особенно тесно переплетена с историей государства, и начертание её зависит от понимания того, как устроено государство и какие смыслы оно транслирует через архитектуру.

Ключевые слова: русский стиль, историзм, Российская империя, архитектура Нового времени, культуральные исследования

There is a massive bibliography on Russian Style Revival in the architecture of the XIX century, but the fact does not mean the exhaustion of the topic. Among its “difficult places” is, e.g., questions about the genesis of “Russian” architectural morphology at an early stage of this phenomenon; about how the images of “Russianness” in the court building of Alexander I and Nicholas I were formed or selected; about the cultural and political context in which *the construction of national architecture* in the Russian Empire began. Despite the existence of a number of monographs on the Russian Style Revival, the above aspects have not yet been studied well and described. The history of architecture in Russia is especially closely intertwined with the history of the state, and its outline depends on understanding how the state is structured and what meanings it translates through architecture.

Keywords: Russian Style Revival, historicism, Russian Empire, modern period architecture, cultural studies

Феномен русского стиля в архитектуре XIX века не может быть отнесён к числу малоисследованных. В списке публикаций, посвящённых его изучению, присутствуют две фундаментальные монографии [Кириченко, 1997; Лисовский, 2000], значительное место традиционно бывает отведено русскому стилю в трудах, освещающих историю отечественной архитектуры периода эклектики в целом [Борисова, 1979; Власюк, 1972; Кириченко, 1986; Кириченко, 1978; Савельев, 2008]. Но сам по себе факт наличия корпуса научной литературы по теме не может говорить о её исчерпанности. Для этого есть как минимум две причины. Во-первых, любая тема осмысливается каждым добросовестным исследователем индивидуально, а значит, велика вероятность того, что выводы, полученные в результате такого исследования, будут обладать оригинальностью и новизной. Во-вторых, существующие на сегодня монографические работы о русском стиле содержат результаты исследований, выполненных в последней трети прошлого века и опирающихся на соответствующие теоретические наработки в области исторических наук, на круг источников и на методы анализа, отвечавшие советской эпохе. В иных случаях исследователи, отойдя от марксистско-ленинской методологии (обогащённой в применении к отечественной культуре XIX века не критической рецепцией оценок и выводов А.И. Герцена, В.В. Стасова и др.), оказывались безоружными перед «гипнотическим» воздействием ставших доступными дореволюционных

источников. Подобная идеализация понятна в контексте постсоветской общественной мысли, ведь последние десятилетия минувшего века стали временем романтизации и актуализации интеллектуального наследия поздней Российской империи, включая стремление гипостазировать «русское» как некое объективное качество мышления или предмета. Однако ни советские, ни постсоветские усилия и достижения, как думается, не позволяют говорить об установлении *абсолютной истины* в понимании русского стиля.

В начале XXI столетия мы обладаем не только возможностью не использовать для описания архитектурных и художественных феноменов старых идеологем, но и необходимостью испытывать релевантность своего исследовательского инструментария, имея в виду, что история архитектуры находится в ряду исторических дисциплин. Применительно к интересующим нас эпохе и территории это означает, что новейшие исследования должны соотноситься с современными представлениями о Российской империи, о её функционировании, о месте и роли понятия нации в практике имперского государства и о том, каким образом архитектура была включена в эту практику. Эти представления сформированы в трудах как отечественных, так и зарубежных учёных. Неправомерно ограничиваться эмпирической описательностью (хотя отнюдь не весь выявленный фактический материал, особенно провинциальный, введён в научный оборот), как неверно и довольствоваться *карамзинским нарративом* (закрепившимся и в советской историографии) в качестве несущего каркаса истории архитектуры России Нового времени.

Что мы знаем?

Изучив существующую литературу о русском стиле, можно очертить контуры, так сказать, конвенционального знания об этом явлении. На мой взгляд, это знание сводится к следующим позициям:

- терминологическая определённость в описании русского стиля отсутствует, существуют разные подходы к названию самого явления и его составных частей (я буду придерживаться собственного принципа наименования этого явления, без префиксов и кавычек);
- русский стиль в архитектуре описывается как одна из национальных версий эклектики или историзма (нижняя временная граница истории русского стиля устанавливается около 1830 года, когда появляются проекты каменных храмов К.А. Тона; при этом из сферы русского стиля исключаются опыты 10-х и 20-х годов XIX века, в том числе в деревянном строительстве);
- принято считать, что актуализация национальной темы в архитектуре имела двоякую природу: с одной стороны, она возникла в силу подъёма национального самосознания в российском обществе; с другой, – была результатом целенаправленного культивирования монархией национально-патриотических ценностей (внутреннее противоречие этой модели русского стиля советские исследователи, отчасти повторяя В.В. Стасова, пытались разрешить посредством его жёсткой дифференциации на «официально-казённый» и «демократический», оценивая первый отрицательно, а второй положительно);
- определив русский стиль как естественное выражение тяги к национальной самоидентификации, исследователи вынуждены мириться с другим противоречием: ведь получается, что авторами инициативы строить «по-русски» в Российской империи надо признать и архитекторов, и заказчиков (эта идиллия единодушия запутывает вопрос о том, от какой социальной группы исходил первоначальный импульс);
- считается, что архитектурная морфология русского стиля естественным образом восходит к народному и допетровскому (эти категории часто отождествляются) зодчеству, то есть проектно-строительная практика русского стиля базировалась на изучении памятников старины и данных этнографических экспедиций (при этом деятельность по изучению народного зодчества в литературе описана довольно эскизно, особенно мало информации о первой половине XIX века).

Отдельно следует сказать об интерпретации русского стиля, предложенной М.В. Нащокиной. Исходя из мнения о структурной неизбежности «ренессансной» стадии в развитии культуры, она

И.Е. Печёнкин *Несколько соображений о русском стиле
в архитектуре XIX века*

предлагает рассматривать период поздней Российской империи в качестве запаздывающего по сравнению с европейским и растянутого во времени русского «Возрождения» [Нащокина, 2008]. Эта модель описания русского стиля в наибольшей степени зависима от историософских воззрений его современников, в ней чувствуется влияние Серебряного века. Не отказывая ей в поэтичности, нельзя не заметить, что такой культуроцентризм неизбежно связан с недооценкой важности внешних для искусства факторов – социально-политических. Иначе говоря, тезис о русском стиле как результате стремления *возродить* национальные традиции и констатация определённого сходства с итальянским Ренессансом не раскрывают причинно-следственных связей, а значит, не позволяют осмыслить природу явления.

Это справедливо и в отношении приведённых выше позиций. Если избавить их от идеологической тенденциозности, вызванной советскими требованиями к освещению исторического процесса, то выяснится известная поверхностность интерпретации русского стиля, вызванная схематичностью представлений о социально-политическом устройстве Российской империи. Единственным исключением на этом фоне будут работы Ю.Р. Савельева, как раз подчёркивающего зависимость архитектуры от государственного заказа [Савельев, 2008]. Но этот исследователь, насколько можно судить по его публикациям, не занимается проблемой истоков русского стиля.

Контексты

Подчёркивая значимость для архитектуры её общественно-политического контекста, Е.И. Кириченко указывала на 1812 и 1825 годы как на поворотные даты для утверждения в культуре России принципов романтизма [Кириченко, 1986, с. 38]. Выведение русского стиля из культурных исканий романтиков (и далее – славянофилов и западников) является общим местом историографии, хотя определённые факты, как уже было сказано выше, заставляют авторов признать за русским стилем и официально-монархическую природу (ср. с триадой гр. С.С. Уварова). Но, во всяком случае, хронологически момент появления русского стиля принято связывать с периодом царствования Николая I. Вот, например, какое описание контекста возникновения русского стиля дала Е.И. Кириченко:

«Не достигшая уровня развития передовых капиталистических стран Европы, Россия стояла перед дилеммой: повторить ли общеевропейский путь или выбрать свой, собственный. <...> Самодержавие апеллирует к народу, стараясь сохранить его поддержку, иллюзию гармонии интересов народа и государства. Славянофилы видят в народе носителя высшего нравственного начала и потенциальный источник обновления русской жизни. Для Герцена мужик – человек будущего, стихийно исповедующий социалистические идеалы, община – ячейка социалистического общества.

Таков был круг идей, ассоциировавшийся с “родными преданьями” и архитектурными формами, их воплощавшими» [Кириченко, 1978, с. 77].

Между тем, историки словесности показывают, что национально-патриотические образы в Российской империи начала XIX века апробировались уже в мобилизационной риторике 1807-1812 годов, включая вульгарную галлофобию А.С. Шишкова и Ф.В. Ростопчина. И хотя Е.А. Вишленкова подчёркивает, что для военной пропаганды «понятие “русские” не имеет этнического смысла» [Вишленкова, 2011, с. 194], сам факт апелляции к нации (в частности, к «храброму потомству храбрых Славян» у Шишкова [Там же, с. 244]) достаточно красноречив для того, чтобы вспомнить здесь о *конструктивистской теории* нации. Сформулированная в работах Б. Андерсона, Э. Геллнера, Э. Хобсбаума и др., она описывает этнос (этническую нацию) как продукт целенаправленного творчества элит и конструкт, соответствующий определённой (капиталистической) общественно-экономической формации [Валлерстайн, 2004].

Элитарная природа всякого «русизма» Нового времени в России едва ли может быть оспорена, поскольку сама структура имперского социума имела иерархическое строение. Эту догадку

подтверждают и факты: самый ранний из известных примеров строительства домов «в русском вкусе» относится к 1815 году и локализуется в императорском Павловске. Образцовая деревня Глазово, спроектированная К. Росси, относилась к разряду придворных строительных предприятий Александра I. Стоит попытаться понять идеологический подтекст этого замысла и выяснить круг формальных источников, на которые мог опираться этот архитектурный «русицизм».

О проблеме источников мы поговорим в следующей, последней части статьи. Пока – речь об идеях. Надо сразу сказать, что в условиях Российской империи раннего XIX столетия вряд ли стоит искать экономические предпосылки для конструирования нации. Экономические резоны, по всей вероятности, никогда не были ведущими для российского абсолютизма, а конкретно об Александре I известно как о правителе со склонностью к масштабным проектам, граничащим с утопией. Самым знаменитым внутривластным жестом этого императора стало создание системы военных поселений, задолго предвосхищавшее «социальную инженерию» XX века.

«В 1810 г. начался масштабный эксперимент: учреждались военные поселения солдат регулярной армии в рационально организованных деревнях. Подобно стрельцам Московского царства, солдаты жили в избах с семьями и занимались сельским хозяйством в свободное от боевой подготовки и походов время. Но, в отличие от стрельцов, их мирный быт был подчинен рациональной организации труда и досуга, под контролем начальников и с соблюдением воинской дисциплины. Предполагалось создать слой полностью контролируемых и зависимых от государства вооруженных людей, которые сочетали бы в себе добродетели преданного солдата и доброго крестьянина, живущего обеспеченно и счастливо благодаря сознательности и дисциплине – своего рода суррогатный идеальный *народ*» [Исторический курс..., 2015, с. 289].

Александр I стремился к формированию общегражданской солидарности, ориентируясь на прусский образец («вооружённый народ», ландвер), в котором видел альтернативу французской, революционной модели *нации*. Хотя низкая военная и экономическая эффективность такого рода поселений была очевидна для современников, император проявил настойчивость в реализации своего плана, свидетельствующую о наличии у него не столько материальных, сколько идеальных соображений. Строительство транскультурной общности, которую можно именовать *нацией*, по-видимому, полагалось им в своё время главным условием европеизации России, перманентно продолжавшейся на протяжении почти всего имперского периода её истории.

Констатировав важность конструирования нации в качестве задачи имперской власти, можно возвратиться к придворному «русицизму». Хронологическая близость учреждения военных поселений и обращение к проектированию в русском стиле представляется неслучайной, а потому неверно объяснять проект деревни Глазово или чуть более поздние «избы» в Потсдаме, выстроенные для русских солдат-певчих [Соколов, 2008], лишь приватной склонностью императора к художественной экзотике. Вероятно, следует признать, что архитектурный «русицизм» Александра I обладал своей программой, хотя адресатом её выступали не широкие массы *народа*, как будет на этапе николаевско-тоновского насаждения патриотических форм прежде всего в церковном зодчестве, а узкий элитарный круг. Как показал в своей недавней статье С.О. Кузнецов, исследовавший историю Екатерингофа, осознание русского стиля как языка, удобного для обращения «верхов» к низшим сословиям, пришлось ещё на середину 1820-х годов [Кузнецов, 2017]. Но из хронологии событий становится понятно, что русский стиль как инструмент конструирования нации в Российской империи старше идеи народности, которую имела в виду Е.И. Кириченко. Отнюдь не праздным видится вопрос о том, на какие образцы ориентировались архитекторы начала XIX века, проектируя придворные «избы» и развлекательные павильоны в русском стиле.

В поисках избы

Достаточно популярной является сформулированная в своё время А.Л. Пуниным точка зрения, что прототипами для романтических проектов а la Russe «послужили реальные произведения

“архитектурного фольклора” – крестьянские избы, которые в те годы стояли в деревнях, окружающих Петербург» [Пунин, 1990, с. 57]. Из этого соображения исходит и С.О. Кузнецов, предположивший наличие у проектов О. Монферрана для Екатерингофского парка и К. Росси для деревни Глазово «реальных прототипов, которые были очень близки между собой» [Кузнецов, 2017, с. 138]. Между тем, нет никакой уверенности в том, что «реальные прототипы», находившиеся к услугам столичных зодчих первой трети XIX столетия вблизи пригородных императорских резиденций под Петербургом, являлись произведениями «архитектурного фольклора».

Вопрос можно поставить вполне конкретно: что нам известно о крестьянских постройках в окрестностях Царского Села и Петергофа? С начала XVIII века территории Ингерманландии (бывшей Водской пятины Новгородской земли, за столетие до того отошедшие Швеции), подверглись «обратной русификации». По данным М.И. Мусаева, большинством русскоязычные жители стали здесь только к середине XIX века [Мусаев, 2004, с. 25], то есть примерно в интересующее нас время. Если учесть ещё и недолговечность деревянных построек, то говорить о богатом архитектурно-этнографическом материале, способном транслировать древнерусские традиции крестьянского домостроения в этих местностях, будет проблематично.

Можно, однако, не довольствуясь этим суждением, попытаться сравнить облик придворных «изб» Александра I (по проектам, видовым изображениям и сохранившимся домам в Потсдаме) с теми материалами, которыми мы располагаем по части русских крестьянских домов более раннего времени. Надо сказать, что материала этого не так много, а достоверность его подчас вызывает сомнения. Но, сколь бы ни были условны допетровские изображения архитектуры, по ним всё-таки можно заключить, что композиция фасада деревянного дома не была регулярной; она едва ли включала мотив расположенных в ряд трёх равновеликих оконных проёмов. Отсутствовал и карниз, превращающий у Монферрана и др. верхнюю часть фасада во фронтоны (с конструктивной точки зрения, в рубленом доме в нём нет необходимости) [Маковецкий, 1962, с. 30-46]. В «сельских» сюжетах Ж.-Б. Лепренса или И.М. Тонкова, чувствуется зависимость от западноевропейских образцов и тенденция к фантастическому вымыслу, живописцы XVIII века не стремились к документальности в изображении быта простолюдинов.

Между тем, глядя на упомянутый трёхоконный фасад с фронтоном, нетрудно обнаружить его сходство с классицистической трёхосевой композицией, находящей своё высшее воплощение в четырёхколонном ордерном портике. Зависимость такой «избы» от классицистических схем убедительно показана на схеме, опубликованной А.В. Лисицыной, которая исследовала локальный сюжет – деревянную архитектуру Городца [Лисицына, 2017, с. 180]. Остаётся пожалеть, что этот момент никак не прокомментирован в тексте статьи. Но мысль о происхождении ставшего почти шаблоном для Центральной России решения уличного фасада сельского дома под влиянием образцового классицистического проекта кажется очень справедливой. Известно, что в николаевское время было развёрнуто производство образцовых архитектурных проектов, призванных унифицировать строительную практику и до известной степени архитектурный ландшафт империи [Атлас, 1842; Полное собрание законов..., 1851; Полное собрание законов..., 1856]. Деятельность эта, конечно, должна была начаться с пригородов столицы, потому и строились образцовые деревни между Пулковскими высотами и Царским Селом [Кузнецов, 2017, с. 133]. Изучая изобразительные материалы, не приходится сомневаться в том, что составители этих проектов, оперируя условно «фольклорными» деталями, продолжали мыслить в логике классицизма. Эти проекты, созданные столичными архитекторами для разных областей России и различных ситуаций, имели силу закона. Нет ничего странного в том, что некоторые композиционные принципы, внедрённые в них, в конце концов, сегодня воспринимаются как устойчивые и глубоко традиционные.

В разговоре о русском стиле существенная роль принадлежит культурному воображению. Подобно тому, как сама *нация* сначала возникла перед мысленным взором монарха и приближенных к нему интеллектуалов из Негласного комитета, *национальная* архитектура должна была явиться

как воображаемая и идеальная, достойная образов «Русских Курциев» и «Русских Сцевол» из пропаганды военного времени. Любопытно, как идеал избы «в русском вкусе», найдя не так уж много воплощений в придворном строительстве, активно изменял образ России в отражении художников – как отечественных, так и иностранных. Это заметно, в частности, на литографиях из альбома француза А. Дюрана, который перемежал вполне достоверные виды столичных и московских достопримечательностей с откровенно фантастическими картинами русской провинции [Demidov, 1842-1848; Печёнкин, 2016].

Другой пример – иллюстрации кн. Г.Г. Гагарина к повести гр. В.А. Соллогуба «Тарантас» (для издания 1845 года), изображающие деревенскую улицу. А.А. Варламова в статье, посвящённой поиску источников и декоративных форм московской Погодинской избы (арх. Н.В. Никитин, 1856), предлагает гипотезу, согласно которой архитектурный облик последней мог быть навеян рисунками Гагарина. При этом сами рисунки Варламова считает достоверно передающими вид крестьянских жилищ в российской провинции середины века, которые князь и художник мог созерцать в ходе поездки в Казанскую губернию [Варламова, 2011, с. 224-225]. Характерно, что сама исследовательница здесь же признаёт отсутствие в путевых зарисовках Гагарина каких-либо изображений, связанных с домовою деревянной резьбой и вообще с деталями крестьянской архитектуры. Несмотря на это, «избы» на иллюстрации Гагарина показаны с теми подробностями, которые роднят их не только с более поздней Погодинской избыю в Москве, но и с более ранними образцами *фольклоризирующего* русского стиля, связь которых с народной традицией проблематична, а с придворным заказом – несомненна. По сути, А.А. Варламова оставляет своё предположение об этнографической правдивости иллюстраций Гагарина без доказательства, давая тем самым возможность выдвинуть альтернативную версию. Думается, что, абсолютизируя важность натуральных впечатлений для искусства второй трети XIX века, мы опережаем события. На мой взгляд, иллюстратор «Тарантаса» не преследовал цели изображения конкретной деревенской улицы, а потому на рисунке мы видим вымышленный им пейзаж. Сочиняя его, Гагарин имел в виду не реальную, а идеальную сельскую Россию, – идеальную не в смысле безупречности, а исключительно в отношении архитектуры, костюма и прочих деталей, манифестирующих «русскость». Такая, образцово *русская* архитектура была представлена павильонами в Екатерингофе, Никольским домиком в Петергофе (арх. А.И. Штакеншнейдера, 1835), домами русской колонии в Потсдаме или проектами из Атласа нормальных чертежей... Логика становления русского стиля как инструмента социального реформирования (конструирования имперской нации) в дореформенную эпоху исключала какое-либо участие в этом процессе низших сословий, даже в качестве объекта для подражания. Именно по этой причине эпитет «фольклоризирующий» применительно к русскому стилю Александра I и Николая I является очень условным и неточным.

В этой связи уместно поставить вопрос о том, на что же всё-таки ориентировались Росси, Монферран, а затем Штакеншнейдер и др.? Мнение о том, что поименованные архитекторы специально занимались сбором этнографического материала, уязвимо для критики ввиду отсутствия сведений о каких-либо архитектурно-археологических экспедициях по российской провинции с их участием; собственно, сама практика таких поездок получила распространение позже, в 1870-1880-е годы [Славина, 1983]. Разумно было бы считать, что географически круг архитектурных источников раннего русского стиля ограничивался пригородами столицы. Впрочем, и здесь можно конкретизировать, подчеркнув, что речь идёт о сравнительно небольшой местности вдоль Московского шоссе, возле Царского Села. С.О. Кузнецов приводит документальные свидетельства того, что для павильонов в Екатерингофе архитектором помощником Виллерсом в середине 1820-х годов была обмерена уже существовавшая постройка на Московской дороге [Кузнецов, 2017, с. 134]. Ландшафт этой территории преобразовывался и совершенствовался радением монархов на протяжении всего XVIII века: вырубались леса и высаживались рощи, выкапывались пруды и каналы, прокладывались водопровод, сооружались мосты, основывались и переносились с места на место

И.Е. Печёнкин *Несколько соображений о русском стиле
в архитектуре XIX века*

деревни с построенными «от казны» крестьянскими домами «одинакового для каждой деревни устройства» [Яковкин, 1830, с. 13]. Это была своего рода Россия в миниатюре, но именно в силу камерности масштабов гораздо более рациональная и управляемая, более *европейская* и лучше пригодная для монаршего «попечения о благе народном».

Можно сказать, что попытки созидания идеального народа были начаты здесь десятилетиями ранее, чем возник упоминавшийся проект военных поселений. Регулярность в Царском Селе конца XVIII столетия соседствовала с космополитизмом: немецкие колонисты и английские мастера, выписанные для воплощения проектов Ч. Камерона, Китайская деревня и светские развлечения «в простонародном вкусе»:

«...на эрмитажные и иные собрания императрица нередко призывала крестьянских жён и дочерей, которые пели и плясали для увеселения дам и кавалеров, а порою и сама принимала участие в русских играх, плясках и обрядах» [Брук, 1990, с. 125].

И.Ф. Яковкин в своём путеводителе по Царскому Селу и его окрестностям, изданном в 1830 году, довольно подробно повествует о русификации этих земель, включавшую постройку однотипных дворов для размещения крестьянских семей, переводимых под Сарскую мызу из дворцовых волостей в первой четверти XVIII века:

«...а при ручьях Киоке или Кузьминском и Пулковском построить для переселяемых крестьянские *избы* с дворами, из коих на каждую назначено было по сто брёвен, с потребным количеством половых и кровельных досок и кирпичу для печей и труб; а при введении переселяемого в назначенный ему дом выдавалось из казны мызы Сари на железные вещи, как то: петли, скобы, крючки и проч. по 16 алтын и 4 деньги. – Дома с дворами *строимы* были *присланными из дворцовых волостей плотниками* <...> Вот вам, государи мои, первые начала сих Русских, только ныне многолюдных селений!» [Яковкин, 1830, с. 17-19].

В приведённом отрывке ничего не сказано об архитектуре серийно возведённых в 1715 году крестьянских домов, хотя сам факт типизации построек вкупе со сжатостью сроков работ заставляют думать о наличии единого проекта. Можно предположить, что уже в этом проекте традиционность строительных технологий была соединена с регулярностью композиции. Но для нашей темы существенно не столько представление о стиле этих домов, сколько знание о том, что практика строительства образцовых деревень восходит в этих местах ко временам даже более ранним, чем «придворный русицизм» Екатерины II. Не пересеклось ли это увлечение императрицы «простонародным вкусом» с традицией властного регулирования жизни царскосельских деревень? У того же Яковкина читаем:

«Вот на левой стороне показываются одна после другой нововыселенные деревни, из коих в каждой дома одинакового особенного устройства. Первая называется Верхнее Кузьмино, построенное с 1823 года; вторая – Редкое Кузьмино, **построенное с 1794 года** (здесь и ниже выд. мной. – И.П.), но в нынешнем виде воздвигнутое щедротами Александра I; и в каждой продолговатой связи поселено по два крестьянских семейства. Третья деревня поблизости к углу бывшего зверинца, также выселенная из Кузьмина по причине пожаров и тесноты, называется Александровка и **построена повелением Екатерины II**» [Яковкин, 1830, с. 22].

Что нам известно о домах, которыми были застроены эти екатерининские деревни; каков был их архитектурный облик? Ведь именно они, по всей видимости, послужили образцами для проектов 1810-1830-х годов, в свою очередь давших импульс так называемой «фольклоризирующей» версии русского стиля пореформенного времени. Думается, что здесь открыта широкая перспектива для новых исследований.

ИСТОЧНИКИ

1. Атлас нормальных чертежей сооружений по ведомству министерства государственных имуществ. – [Санкт-Петербург]: [МГИ], 1842.

I.E. Pechenkin *Some Notes on the Russian Style Revival
in 19th-century Architecture*

2. Полное собрание законов Российской империи. Т. 26. Часть 2: Чертежи и рисунки – Санкт-Петербург: Тип. II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1851. – Л. 1-30.
3. Полное собрание законов Российской империи. Т. 31. Часть 2: Чертежи и рисунки – Санкт-Петербург: Тип. II отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1856. – Л. 39-53.
4. Яковкин И.Ф. Описание села Царского, или Спутник обозревающим оное с краткими историческими объяснениями, составленное Ильёю Яковкиным. – Санкт-Петербург: Тип. Департамента народного просвещения, 1830.
5. Demidov A.N. Voyage pittoresque et archeologique en Russia, execute en 1839, sous la direction de M. Anatole de Demidoff. Dessins faits d'apres nature et lithographies a deux teintes par Andre Durand. – Paris: Chez Gihaut Freres, Imp. A. Bry, Typographie de Firmin, [1842-1848?].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е.А. Русская архитектура второй половины XIX века. – Москва: Наука, 1979.
2. Брук Я.В. У истоков русского жанра. XVIII век. – Москва: Искусство, 1990.
3. Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа // Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности / пер. с фр. под ред. О. Никифорова и П. Хицкого. – Москва: Логос, 2004. – С. 83-102.
4. Варламова А.А. Источники композиции и декоративного оформления Погодинской избы // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 1. / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой. – Санкт-Петербург: НП-Принт, 2011.
5. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». – Москва: НЛЮ, 2011.
6. Власюк А.И. Архитектура России // Всеобщая история архитектуры: в 12 т. Т. 10: Архитектура XIX-начала XX вв. – Москва: Стройиздат, 1972. – С. 33-136.
7. Исторический курс «Новая имперская история Северной Евразии». Глава 8. Дилемма стабильности и прогресса: Империя и реформы, XIX век // Ab Imperio, 2/2015. – С. 253-337.
8. Кириченко Е.И. Архитектурные теории XIX века в России. – Москва: Искусство, 1986.
9. Кириченко Е.И. Русская архитектура 1830-1910-х годов. – Москва: Искусство, 1978.
10. Кириченко Е.И. Русский стиль. – Москва: Галарт, 1997.
11. Кузнецов С.О. Гвардии парк. Историко-художественное исследование Екатерингофа в Санкт-Петербурге // Искусствознание, 2017, № 1. – С. 114-159.
12. Лисицына А.В. Архитектура деревянных жилых домов Городца середины XIX-начала XX века // Архитектурное наследство / отв. ред. И.А. Бондаренко. Вып. 66. – Санкт-Петербург: Коло, 2017. – С. 178-198.
13. Лисовский В.Г. «Национальный стиль» в архитектуре России. – Москва: Совпадение, 2000.
14. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища. Север и верхнее Поволжье. – Москва: Изд-во АН СССР, 1962.
15. Мусаев В.И. Политическая история Ингерманландии в конце XIX-XX веке. Изд. 2-е, испр. и доп. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2004.
16. Нащокина М.В. «Ренессансоподобие» в русской архитектурной мысли XIX – начала XX века // Нащокина М.В. Наедине с музой архитектурной истории. – Москва: Улей, 2008. – С. 114-120.
17. Печёнкин И.Е. Франция и Style Russe: о некоторых аспектах международных художественных связей в XIX веке // Россия-Франция. Alliance культур. Материалы XXII Царскосельской научной конференции: в 2 ч. Ч. 2. – Санкт-Петербург: Серебряный век, 2016. – С. 67-78.
18. Пунин А.Л. Архитектура Петербурга середины XIX века. – Ленинград: Лениздат, 1990.
19. Савельев Ю.Р. Искусство историзма и государственный заказ. – Москва: Совпадение, 2008.
20. Славина Т.А. Исследователи русского зодчества. Русская историко-архитектурная наука XVIII-начала XX века. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983.
21. Соколов Б.М. Русская Пруссия, или Рождение романтического сада // Наше наследие, № 87, 2008. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8707.php> Дата обращения 20.01.2018

SOURCES

1. Atlas normal'ny'x chertezhej sooruzheniyam po vedomstvu ministerstva gosudarstvenny'x imushhestv. [The Atlas of Normal Projects for Buildings Supervised by Ministry of State Property]. [Saint-Petersburg], [MGI], 1842.

И.Е. Печёнкин *Несколько соображений о русском стиле
в архитектуре XIX века*

2. Demidov A.N. *Voyage pittoresque et archeologique en Russie, execute en 1839, sous la direction de M. Anatole de Demidoff. Dessins faits d'apres nature et lithographies a deux teintes par Andre Durand*. Paris, Chez Gihaut Freres, Imp. A. Bry, Typographie de Firmin, [1842-1848?].
3. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. T. 26. Chast' 2: Chertezhi i risunki [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. Vol. 26. Part 2: Designs and Drawings] – [Saint-Petersburg, Tip. II otdelenija Sobstvennoj EIV kanceljarii, 1851]. L. 1-30.
4. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii*. T. 31. Chast' 2: Chertezhi i risunki. [Complete Collection of the Laws of the Russian Empire. Vol. 31. Part 2: Designs and Drawings]. [Saint-Petersburg, Tip. II otdelenija Sobstvennoj EIV kanceljarii, 1856]. L. 39-53.
5. Yakovkin I.F. *Opisanie sela Tsarskogo, ili Sputnik obozrevayushhim onoe s kratkimi istoricheskimi ob'yasneniyami, sostavlennoe Il'you Yakovkinym*. [The Description of Tsarskoe Selo, or Guide for Viewer, with Historical Explanations, written by Ilia Yakovkin]. Saint-Petersburg, Tip. Departamenta narodnogo prosveshhenija, 1830.

REFERENCES

1. Borisova E.A. *Russkaya arhitektura vtoroj poloviny XIX veka*. [Russian Architecture of 2nd half 19th century]. Moscow, Nauka, 1979.
2. Bruk Ya.V. *U istokov russkogo zhanra. XVIII vek*. [At the Origin of Russian Genre-Painting. 18th Century]. Moscow, Iskusstvo, 1990.
3. *Istoricheskij kurs "Novaya imperskaya istoriya Severnoj Evrazii"*. Glava 8. Dilemma stabil'nosti i progressa: Imperiya i reformy', XIX vek [History Course "A New Imperial History of Northern Eurasia", chapter 8. The Dilemma of Stability and Progress: Empire and Reforms in the Nineteenth Century] In: *Ab Imperio*, 2/2015. Pp. 253-337.
4. Kirichenko E.I. *Architekturny'e teorii XIX veka v Rossii*. [Nineteenth-Century Architectural Theory in Russia]. Moscow, Iskusstvo, 1986.
5. Kirichenko E.I. *Russkaya arhitektura 1830-1910-x godov*. [Russian Architecture in 1830-1910s]. Moscow, Iskusstvo, 1978.
6. Kirichenko E.I. *Russkij stil'*. [The Russian Style]. Moscow, Galart, 1997.
7. Kuznecov S.O. *Gvardii park. Istoriko-khudozhestvennoe issledovanie Ekateringofa v Sankt-Peterburge* [Guard Park. Historical and Artistic Research of Ekaterinhof in Saint-Petersburg] In: *Iskusstvoznanie*, 2017, № 1. Pp. 114-159.
8. Lisicy'na A.V. *Architektura derevyanny'x zhily'x domov Gorodca serediny XIX-nachala XX veka* [Architecture of Wooden Housing of Gorodets in the mid of 19-beginning 20th century] In: *Architekturnoe nasledstvo / otv. red. I.A. Bondarenko*. Vy'p. 66. [Architectural Heritage, I.A. Bondarenko ed., vol. 66]. Saint-Petersburg, Kolo, 2017. Pp. 178-198.
9. Lisovskij V.G. *"Nacional'nyj stil" v arhitekture Rossii*. ["National Style" in Russian Architecture]. Moscow, Sovpadenie, 2000.
10. Makoveckij I.V. *Architektura russkogo narodnogo zhilishha. Sever i verxnee Povolzh'e*. [Architecture of the Russian Folk Dwelling. The North and the Upper Volga Region]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1962.
11. Musaev V.I. *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v konce XIX-XX veke*. Izd. 2-e, ispr. i dop. [The Political History of Ingermanland at the late 19-20th century]. Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2004.
12. Nashhokina M.V. *"Renessansopodobie" v russkoj architekturnoj my'sli XIX – nachala XX veka* [Renaissance Allusions into Russian Architectural Thought in 19-beginning of 20th century] In: Nashhokina, M.V. *Naedine s muzoj architekturnoj istorii*. [Alone with Muse of Architectural History]. Moscow, Ulej, 2008. Pp. 114-120.
13. Pechenkin I.E. *Franciya i Style Russe: o nekotory'x aspektax mezhdunarodny'x xudozhestvenny'x svyazej v XIX veke* [France & Style Russe: On Some Aspects of International Artistic Contacts in 19th century] In: *Rossiya-Franciya. Alliance kul'tur. Materialy' XXII Carskosel'skoj nauchnoj konferencii: v 2 ch. Ch. 2*. [Russia-France. Alliance of Cultures. Materials 23rd Tsarskoe Selo Academic Conference, part 2]. Saint-Petersburg, Serebryany'j vek, 2016. Pp. 67-78.
14. Punin A.L. *Architektura Peterburga serediny XIX veka*. [Architecture of Saint Petersburg in the mid of 19th century]. Leningrad, Lenizdat, 1990.
15. Savel'ev Yu.R. *Iskusstvo istorizma i gosudarstvenny'j zakaz*. [Historicist Art and Government Order]. Moscow, Sovpadenie, 2008.
16. Slavina T.A. *Issledovateli russkogo zodchestva. Russkaya istoriko-architekturnaya nauka XVIII-nachala XX veka*. [The Researchers of Russian Architecture. Russian Architectural History in the 18-early 20th century]. Leningrad, Izd-vo LGU, 1983.
17. Sokolov B.M. *Russkaya Prussiya, ili Rozhdenie romanticheskogo sada* [Russian Prussia, or The Genesis of Romantic Gardening] In: *Nashe nasledie*, № 87, 2008. URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/8707.php> Data obrashheniya 20.01.2018.
18. Vallerstajin I. *Konstruirovanie naroda: rasa, naciya, e'tnicheskaya gruppa* [The Construction of Peoplehood: Racism, Nationalism, Ethnicity], In: Balibar, E', Vallerstajin, I. *Rasa, naciya, klass: dvusmy'slenny'e identichnosti*. [Race, Nation, Class: Ambiguous Identities]. Moscow, Logos, 2004. Pp. 83-102.

I.E. Pechenkin *Some Notes on the Russian Style Revival
in 19th-century Architecture*

19. Varlamova A.A. *Istochniki kompozicii i dekorativnogo oformleniya Pogodinskoj izby* [The Sources of Composition and Decoration of the Pogodin Izba in Moscow] In: *Aktual'ny'e problemy' teorii i istorii iskusstva: sb. nauch. statej. Vy'p. 1.* / Pod red. S.V. Mal'cevoj, E.Yu. Stanyukovich-Denisovoj. [Actual Problems of Theory and History of Art: Collections of articles Vol. 1 / SpbSU; Svetlana Maltseva, Ekaterina Stanyukovich-Denisova eds.]. Saint-Petersburg, NP-Print, 2011.
20. Vishlenkova E.A. *Vizual'noe narodovedenie imperii, ili "Uvidet' russkogo dano ne kazhdomu"*. [Visual People Studies in the Empire, or "To Reveal the Russian No Everybody Can"]. Moscow, NLO, 2011.
21. Vlasyuk A.I. *Architektura Rossii* [Russian Architecture] In: *Vseobshhaya istoriya arxitektury': v 12 t. T. 10: Architektura XIX-nachala XX vv.* [A World History of Architecture, vol. 10: Architecture of 19 and early 20th century]. Moscow, Strojizdat, 1972. Pp. 33-136.